Other Side. Когда туман сгущается

Автор:
Макс Аст

Other Side. Когда туман сгущается

Макс Аст

Даже у маленького провинциального моногорода есть второе загадочное лицо. Увидев его однажды, невозможно отвести взгляда. Но в клубах тумана, скрывающих истинный облик города от непосвященных, обитают мелкие и крупные хищники, готовые поживиться за счет незадачливых мечтателей. Та сторона города живет своей, непостижимой, но упорядоченной жизнью, прибывая в хрупком балансе. До тех пор пока в этот таинственный мир (без особого на то желания) не попадает молодой заводской психолог по имени Андрей.

Макс Аст

Other Side. Когда туман сгущается

Пролог

Под крышей самого высокого в городе здания, озаряемые багровыми лучами заходящего солнца, располагались апартаменты. Сквозь панорамные стекла, заменяющие северо-западные стены, лучи озаряли круглый стол и приставленные к нему три кресла. Зеленый бархат лишь одного из них пустовал.

Спиной к стеклам, погруженный в тень высокой спинки, сидел немолодой мужчина с благородными чертами лица, поседевшими висками и пронзительным

взглядом серых, как прах, глаз. Второй, выхваченный солнечным светом ровно на половину, был старше, имел склонность к полноте. Невыразительное лицо его застыло в маске раздражения, взор блуждал от входной двери до пустующего кресла.

Он первым нарушил тишину.

– Эта сволочь еще и опаздывает, как тебе это нравится?

Собеседник молчал.

– Неужели, нельзя было найти кого-нибудь поприличнее?

– Сам знаешь, – голос Первого был спокоен и тверд, – времени было слишком мало, а подходящих кандидатов ты сам опустошил.

– Не надо стрелки переводить. Никто не знал, что старик так быстро выдохнется.

– Не так уж и быстро, но я предупреждал тебя об этом.

– Ладно, не сыпь соль на рану. Лучше скажи: неужели действительно никого не осталось?

Первый усмехнулся.

– Есть один вариант, мои люди уже работают над этим. Только прикуси язык и не радуйся раньше времени: это долгосрочный проект. Наш проходимец и мне попытался связать руки, только куда уж ему. Не забывай, кого мне пришлось оставить ему в заложники ради нашего хрупкого баланса.

– Да, тут я легко отделался: всего лишь обещание использовать свою силу в час нужды. Но если твои таинственные ребята работают над тем, чтобы его подвинуть, не возникнет ли конфликт интересов?

– Не беспокойся, они достаточно компетентны, чтобы не попасться ни в твои, ни в его сети.

– Обижаешь.

– Отнюдь, констатирую факт, – голос его был так же холоден, как и взгляд, – наконец-то.

Слова были обращены собеседнику, когда массивная деревянная дверь отворилась, и на пороге возник мужчина. Одет с иголочки: дорогой костюм, остроносые матовые туфли, на правом запястье часы, кричащие о своей непомерной стоимости. Гладко выбритые, чуть впалые щеки, острый длинный нос, бледные узкие губы и безумный блеск глубоко посаженных карих глаз. Резкой походкой он прошагал к залитому солнечным светом креслу, уселся и, щурясь, быстро заговорил:

– В столице дела улажены, группа зачистки возвращается в город, фуражир начал работу. Наша работа выполнена, шестеренки снова вращаются, так что… —он попытался вглядеться в лицо Первого, но свет ему явно мешал, – мы ждем подарок.

Первый разомкнул худые длинные пальцы и опустил правую руку в открытый черный портфель, прислоненный к обитой зеленым бархатом ножке. Через мгновение он швырнул коричневый сверток в сторону говорившего. Тот ловко перехватил его на подлете к лицу и затараторил снова:

– Как мы и договаривались, каждый вторник – точно такой же, с доставкой. Пусть вон девчонка твоя возит, может, и сама проникнется.

Ни один мускул не дрогнул на лице Первого, но взгляд стал еще тверже и заострился, заставив его умолкнуть своим пронзающим холодом.

– Я помню о нашей договоренности. Но и тебе не следует слишком зарываться. Незаменимых людей не бывает, – последнюю фразу он произнес, ни к кому не обращаясь, будто просто констатируя факт.

– Это угроза?

– Даже не намек.

– Тем лучше. Я, пожалуй, пойду. Мое почтение.

Встав, он карикатурно склонил голову перед сидящими и пружинистой походкой скрылся за дверью.

****

Кособокая, сбитая из крепких досок дверь с медной ручкой отворилась, и на пороге, разделяющим кухню и веранду, возникла девушка. Невысокая и хрупкая; светло-русые волосы спадали на плечи, крупные черты лица обладали удивительной притягательностью. Но самым удивительным в ее облике были глаза: янтарный их оттенок был словно не человеческим. Она растерянно оглядывалась, не решаясь закрыть за собой дверь. Впрочем, здесь было, что разглядывать.

Вдоль правой стены тянулись полки, не прибитые к стене, а подвешенные на толстенных веревках, проходящих сквозь мореные доски. Они заканчивались крупным узлом под последней из них. На полках расположились разнокалиберные баночки с трогательными бумажными шапочками и написанными от руки на линованной бумаге названиями. Тут же стояли жестяные коробочки, видимо, с пряностями, и непрозрачные герметичные тубы с чаем. Все содержимое полок было снабжено теми же бумажными этикетками с записями каллиграфическим почерком.

Под третьей полкой стоял круглый деревянный стол с двумя приставленными к нему то ли шезлонгами, то ли просто деревянными креслами, на сиденья которых, были брошены разноцветные тряпичные подушки. На широком подоконнике поверх расстеленной газеты сохла малина. С другой стороны – газовая плита, подключенная к облупившемуся баллону, крепкий, ручной работы, деревянный гарнитур. Вернее, только нижняя его часть, обработанная все той же морилкой. Пара пузатых глиняных чайников, прозрачный кувшин, стойка с ножами. Над столешницей – намертво врезанная в стену труба с подвесными стальными крючками, на них — полусферические вытянутые чашки разных цветов. Под потолком – длинная доска. От вбитых в нее многочисленных гвоздиков тянулись шерстяные нити, оканчивающиеся связками сухих трав и грибов.

– Ты проходи, присаживайся. Толку-то на пороге стоять?

Глубокий, чуть с хрипотцой голос застал ее врасплох. Не сразу сообразив, откуда он раздался, она вздрогнула и обернулась. На пороге, прямо позади нее, окутанный непроглядной бездной, стоял человек.

– Сама знаешь, сохранять себя в этой тьме достаточно сложно. Так что, если не возражаешь…

Она поспешно ушла с порога и села на край ближайшего кресла-шезлонга, внимательно разглядывая вошедшего следом. Это был загорелый мужчина среднего роста, с роскошной окладистой бородой и детскими голубыми глазами. Одет он был в мешковатые коричневые штаны с умопомрачительным количеством карманов и подбитый мехом просторный жилет поверх зеленой клетчатой рубашки. На коричневых от загара и пыли ногах – тонкие кожаные ремни сандалий. В каждой руке по плетеной корзине, доверху набитых желтыми головами одуванчиков.

– Вы хозяин этого места?

– Скорее, бессрочный арендатор.

Он обезоруживающе улыбнулся и поставил корзины с цветами на пол.

– Не стоит делать столь виноватый вид — я совсем не против гостей. Мне хорошо известно, что ты не помнишь, кто ты и откуда. Я не буду возражать, если ты вдруг решишься остаться здесь на какое-то время. Но, в таком случае, тебе придется немного помочь мне по хозяйству.

Растерянная девушка только кивнула в ответ.

– Вот и хорошо.

Мужчина порылся в ящиках гарнитура и извлек оттуда две объемные кастрюли.

– Твоя задача – отделять желтые лепестки от зелени из этой корзины и кидать их в кастрюлю – ту, что поменьше. Это пойдет на варенье. А второе лукошко – для вина. Этим я, пожалуй, займусь сам.

Она послушно принялась за работу, попутно пытаясь определить, сколько все-таки лет этому бодрому мужчине.

– Зовут меня Атлас, если тебе интересно, – улыбка вновь затерялась в курчавых зарослях.

Какое-то время они молча работали, отделяя желтые части растений от всего остального. Первым заговорил Атлас.

– Не любитель я молча хозяйничать. Не против, если одну байку расскажу?

Девушка с энтузиазмом согласилась, потому как от медитативного труда начинало клонить в сон.

– В этой истории я расскажу про одного человека, с которым ты уже встречалась, но наверняка забыла про это. Там будут и коротенькие истории ваших свиданий, и много-много всего интересного. К тому же, байка довольно длинная, и мы как раз успеем управиться до прихода еще одного гостя.

История эта про мальчика Андрея, который влип в большие неприятности…

Глава 1. Ночь греха

Пешая прогулка до работы, особенно в хорошую погоду – это подарок, который Андрей делал себе сам ежедневно. Там, в кабинете за третьей проходной, ровно через двадцать пять минут его ждет ворох неоконченных вчерашних дел, суета, безуспешная борьба с бездельем, фантазии о Рите, попытки отмазаться от

дружеской пятничной попойки, возня с дипломной работой…

Но в эти двадцать пять минут он может позволить себе не думать о круговерти и так внезапно свалившейся «взрослой жизни», а просто шагать по городу, разглядывать прохожих, дома, увядающие золотые деревья, заборы. И все это под плейлист уходящей недели.

Бетонный забор одной из несостоявшихся стройплощадок стал для него своего рода еженедельным гороскопом. Как правило, каждую пятницу там появлялась новая многозначительная надпись, которую Андрей всегда трактовал в свою пользу. В этот раз мрачную алмазную грань украшала черная надпись: «Меня зовут Клотт!».

Докуривая сигарету – вторую на этом отрезке пути, Андрей приостановился и огляделся. Убедившись в отсутствии прохожих, он сделал комично-галантный жест: в полупоклоне, приподнимая несуществующую шляпу, шепотом произнес: «Приятно познакомиться!»

Улыбнувшись себе, он отправился дальше. И чем ближе он подходил к заводу, тем четче на его лице проступала маска молодого, но крайне компетентного специалиста.

Звонок друга застиг его в почти медитативном трансе над сортировкой анкет опрошенных.

– Ты не можешь отмазаться! На завтра ни учебы, ни работы, так что все решено. Сегодня в семь за тобой зайду, – Олег был настолько безапелляционно настроен, что выработанная неделями привычка ссылаться на почти несуществующую загруженность не успела включиться в нужный момент.

Однако идти не хотелось. И без того было ясно, что он потащит его в лучшем случае в бар, а в худшем – в клуб. Дело было даже не в неприязни к клубам, как таковым, хотя однообразие совместного досуга начало утомлять еще к середине второго курса. В голове с утра засела картинка, и никак, зараза такая, не хотела оттуда убираться. Простая, но очень соблазнительная: он зовет Риту в кафе, она смеется за столиком, он дарит ей цветы и провожает домой. А там чем черт ни шутит?..

Но было одно НО, и очень весомое: надо набраться смелости и пригласить Риту, пока не закончился рабочий день, и она не убежала по своим делам. Несмотря на то, что сама судьба будто благоволила началу их романа, каждый раз, когда он заговаривал с ней, в нем просыпалась давно забытая робость. А когда речь заходила о романтике, он будто снова становился неуверенным и зажатым подростком.

Смелости не хватило, и в планах на вечер вместо изящного кареглазого профиля в окружении цветов (и, чего греха таить, постельного белья) вырисовывался угрюмый портрет товарища на фоне пивных бокалов.

Терзаемый сам собой, он вышел из проходной №3 в чудесный золотой вечер. «Черт с ней, с Ритой, напьюсь сегодня. Пускай и придется тащиться в какой-то новомодный клуб — выпивка же там есть? А если совсем не понравится, вымотаю Олегу все нервы, и свалим оттуда. Посидим у меня, хлопнем вискаря, о жизни потреплемся». Эти мысли остановили жгучий поток самобичевания, и он ускорил шаг, чтобы добраться до дома быстрее и успеть принять душ до прихода друга.

– По тебе часы надо сверять, – уважительно сказал взъерошенный после душа Андрей, открывая засов входной двери.

– Я бы и раньше поднялся, если бы кое-кто не забывал за домофон платить.

Олег был выше его почти на голову. Торчащие в разные стороны волосы и слегка навыкате, красные от хронического недосыпа, глаза придавали ему сходство с начинающим безумным ученым.

Приятели пожали друг другу руки.

– Проходи, в холодильнике в дверце Уокер. Налей обоим, я оденусь и приду.

– Решил для храбрости накатить или жмотничаешь? – сказал Олег вслед уходящему в спальню Андрею. Тот сделал вид, будто вопроса не расслышал.

– Ты бы хоть расчесался, а то фейсеры не пропустят, – он говорил, уже делая глоток ледяного, но обжигающего виски.

– Разбежался! – ответил Олег, вытягивая зубами сигарету из красной пачки, – они там вообще странно работают. Фиг разберешь, как они определяют, кого надо пускать, а кого – разворачивать.

– То есть нас могут не пустить? – в голосе Андрея промелькнула надежда на тихий вечер.

– Хрен тебе! Меня они все уже в лицо знают. Еще немного – и карту гостя дадут.

– Напомни, в какую клоаку ты тащишь меня на этот раз?

– В самую разнузданную и развеселую неоновую клоаку в этой дыре – в «Грех».

– Сразу говорю, дергаться под «тыц-тыц» сегодня я не собираюсь, – Андрей налил себе еще пятьдесят.

– Зря! Вон у Дианы на днюхе неплохо получилось, даже вискарь выиграл. Но я тебя не за этим тащу. Дай пепельницу, а то я тут все загажу, – он стряхнул, затянулся и продолжил сделав загадочные глаза, – там собирается вся темная публика города. Если у нас и есть Посредники, то они ходят в «Грех».

Андрей поморщился: он терпеть не мог разговоров о Той Стороне и Посредниках. Это был пунктик Олега, особенно когда тот злоупотреблял запрещенными веществами. Безвкусная, на его взгляд, мистическая бредятина. Суть ее (по крайней мере та ее часть, которую не слишком-то внимательно слушающий россказни товарища Андрей запомнил) сводилась к следующему: во всех более-менее крупных городах живут таинственные Посредники, способные за некую плату показать путь на Ту Сторону – то ли место, то ли состояние сознания, при котором тайны мира раскрываются перед дерзнувшим их искать. Олег раскопал все это где-то в темных закоулках сети и превратил Ту Сторону в свою идею фикс. По мнению Андрея, история походила больше на рекламу каких-то предприимчивых дилеров, чем на реальную возможность постигнуть «таинственную суть вещей».

– Опять за свое… Надеюсь, ты туда со мной бухать идешь, а не к левым людям приставать?

– Одно другому не мешает, – Олег допил свой Уокер и стал ковыряться в смартфоне, вызывая такси.

«Грех» располагался между двумя десятиэтажными сталинками на улице Свободы, 17. Сразу за территорией клуба простирался университетский парк, старательно и небезуспешно отбиваемый местными зелеными от нападок хищных властей. Двухэтажное строение, казалось, полностью состоит из черного стекла и неонового света. На ступеньках перед входом теснилась толпа – человек тридцать, а то и сорок. В дверях с непроницаемыми лицами возвышались два амбала в черных костюмах. «Точно развернут» – подумал Андрей. Однако товарищ его, бодро расталкивая людей у входа, направился к дверям. Один из амбалов приветственно ему кивнул и открыл перед ними тяжелую стеклянную дверь. За спиной раздались возмущенные возгласы.

– Нам на второй, в бар. На первом клуб, а в подвале казино.

Внутри царил приятный полумрак: черные матовые стены, тусклые светильники. Перед массивной дверью прямо по коридору – поворот на широкую лестницу.

Второй этаж Андрею скорее понравился, чем нет. В темноте под крышей виднеются перекрытия, у дальней стены стоит высокая стойка, пин-ап красотки на стенах. Есть даже аутентичный музыкальный автомат. У каждого окна ниши, в которых расположились столики, выхваченные из полумрака закованными в клетки лампами. Приятели сели за один из них в уютном углу. Откуда-то из темноты, слева от стойки, выпорхнула симпатичная блондинка с вязью татуировок на запястьях, и разложив перед ними меню, скороговоркой бросила.

– Добро пожаловать в «Грех», меня зовут Ольга, сегодня я буду вашим официантом. Готовы сделать заказ? – она улыбалась, но скулы ее при этом будто сводило судорогой, придавая вполне миловидному лицу зловещий оттенок.

– Через пару минут.

– Хорошо, я подойду позже.

– Быстрая, – хмыкнул Олег вслед исчезающей за кухонной дверью девушке, – возьми черный крафт. Не помню, как называется, на второй странице. У них своя пивоварня на Заречном, вполне сносно.

Помимо столиков, ярким пятном выделялось висящее на стене у входа зеркало с нанесенной на поверхность надписью: «#Life in sin”. В голове тут же завертелись бесконечные ленты социальных сетей, заполненные пошлыми фотографиями с этим хэштегом. Сим прискорбным фактом Андрей не преминул поделиться с другом, сетуя на нравы современников.

Тот только махнул рукой.

– Просто хозяин всего этого – неплохой маркетолог. Два «черных монаха» и сет для друзей, – обратился он уже к бесшумно возникшей у столика Ольге. Та записала заказ, повторила его и снова исчезла.

Следующие пару часов они пили и трепались, вдумчиво и неторопливо. Обсуждали старых знакомых, вспоминали свои юношеские приключения, шутили и хлестали слегка горьковатое темное. Сомнения и тревожность последних месяцев сдали свои позиции под тягучий ритм умеренно ностальгических бесед и рок-н-рольный шум 80-х из динамиков музыкального автомата. «Как в старые добрые» – пронеслось в голове у Андрея. Или он сказал это вслух?

– Надо бы чаще так собираться.

– Ага, только ты на заводе своем сутками торчишь.

Затевать перепалку совсем не хотелось, а потому Андрей вспомнил еще одну физиономию, которую не видел, как ему казалось, уже целую вечность.

– Не знаешь, как Филин поживает? Давно я с ним не виделся.

– Еще как знаю, я же не успел еще всех друзей позабыть, – Олег будто сам напрашивался, но напоминание о Сашке вернуло его к хрупкой магии дружеской

попойки, – он с тех пор, как в игровые устроился, совсем стал на человека похож. Бухать даже подзавязал. В смысле – не как раньше: каждый день, как праздник, а как все нормальные люди – по выходным и не до упаду. Если хочешь, можем хоть сейчас позвонить, сюда позвать.

– Зови конечно, а я в туалет пока схожу. Кстати, где он?

– От стойки направо.

Выйдя из туалета, Андрей обнаружил, что Олег тоже успел покинуть насиженное место. Более того, его приятель сидел за стойкой и разговаривал с барменом с таким видом, будто просидел так уже целый вечер. Завидев Андрея, он спрыгнул с высокого барного стула и со словами «пошли покурим» утащил Андрея на лестницу. Вопреки ожиданиям, Олег повел его наверх. Пройдя массивную дверь с горящей над ней желтой лампочкой «ВЫХОД» в металлической сетке, они оказались на крыше, прямо под рыжеватым городским небом. На крыше, среди черных стульев и столов с ежами пепельниц, плясали алые отсветы неоновой вывески. Прямо за большой буквой «Х» в меру нетрезвый парень, завернутый в багровый плед, что-то активно обсуждал по телефону, размахивая зажженной сигаретой.

– Угостишь? – кивнул Андрей в сторону пачки, – а то я свои не взял.

И как бы в доказательство своих слов хлопнул себя по карманам. Олег последовательно протянул ему сигарету и зажигалку.

– Видел бармена, с которым я говорил?

– Не обратил внимания, а что?

– Я думаю, он Посредник.

– Достал! Ты можешь хотя бы ненадолго выкинуть эту херню из головы и просто выпить, отдохнуть, не портить вечер? В конце концов, Филин скоро приедет. Ты и ему будешь мозги на эту тему выносить?!

С тех пор, как Андрей принял предложение отца и устроился-таки на завод, между друзьями пролегла незримая полоса отчуждения. В каждом бурлили эмоции, и каждый вел этот спор внутри себя самого, то разжигая, то утихомиривая пламя взаимных претензий, не давая им выхода. Это было столкновение мировоззрений. Новоприобретенное самоощущение Андрея, с удивлением для себя обнаружившего, что сытая размеренная жизнь, полная рутины, не то чтобы хороша, но по крайней мере не так безрадостна, как он себе представлял. И поросшее мхом, как считал Андрей, Олегово представление о жизни, как о череде удивительных приключений, было неправильным.

– Вообще, это ты достал. Стал каким-то ватником. Так трясешься над своими драгоценными воспоминаниями о себе былом, обсасываешь прошлые взлеты и падения. На Андрея, которого я знал и которого ты так любишь вспоминать, это совсем не похоже.

– Люди взрослеют, и это нормально. Не нормально превращаться в одержимого конспирологией параноика, а тем более навязывать свое сверхценное мнение окружающим. Ты же любой разговор сводишь к Той Стороне!

– Ничего не замечать и взрослеть – разные понятия. Пару месяцев назад ты бы сам, очертя голову, кинулся в это приключение. А сейчас тебя из дома-то не вытащить! Ты, конечно, удобно устроился, спору нет, но и тебя может стукнуть, от этого никто не застрахован.

– Удобно устроился?

– Сидишь себе в кабинетике, ни черта не делаешь, диплома дожидаешься, стаж копишь да денежки стрижешь. Поди и тачку себе присмотрел попонтовее, или батя на диплом сам тебе гелик подарит? Пацанские ценности, – при этих словах Олег демонстративно плюнул за ограждение крыши. Вслед за плевком отправился и бычок, пущенный умелым щелчком.

Эта обличительная тирада взбудоражила и без того нестабильный от внутренних противоречий автоклав в голове Андрея, он не выдержал давления.

– Да что ты знаешь об этом? Сидишь сутками за компом в своей берлоге, да под косячок – или на чем ты там сейчас, галлюцинируешь про тайные общества и всемирные заговоры. Жизнь, знаешь ли, чуть сложнее, чем тебе кажется.

Сначала от своего дерьма отмойся, а потом других гигиене учи.

Он развернулся и, не дожидаясь ответа и уже держась за металлическую ручку тяжелой двери, бросил, не поворачивая головы.

– Привет от меня Сашке.

Старательно набранные за вечер промилле не давали утихнуть озлобленному пламени обиды. Сквозь гневное марево он будто со стороны наблюдал, как оставляет деньги на столике; как, не застегивая пальто, выходит из зала; как, спускаясь по лестнице, между этажами цепляет кого-то плечом и как этот кто-то хватает его за руку, разворачивая к себе лицом. Уже внутренне напрягшись перед дракой, Андрей поднял глаза на наглеца, не отпускающего его предплечье, и увидел улыбающегося ровными белыми зубами Филина.

– Привет хоть! В клуб летишь, или ко мне в игровые?

–Вообще-то, я уже уходить собирался, – при виде Сашки гнев стал отступать, – подожди, ты сказал – к тебе в игровые?

– Ну да, я же теперь тут подвизаюсь, Олега не рассказывал? – он зачем-то всегда добавлял лишнюю букву к имени их общего друга, а вот слово «подвизаюсь» было явно новым в его лексиконе. Филин его даже интонацией выделил, хотя Андрей пропустил это мимо ушей, все еще отходя от перепалки на крыше.

– Видимо, к слову не пришлось. Да я, собственно, из-за него и сваливаю. Задрал.

– Тааак, понятно. Пошли ко мне в каптерку хлебнем чего-нибудь, расскажешь.

«Святая троица» – так называли их почти все учителя с легкой руки классной с тех пор, как Олег перевелся к ним из столицы. Такую странную дружбу аутсайдера Олега, зажатой посредственности Андрея и талантливого любимца школы Сашки скреплял некий общий знаменатель, так и оставшийся тайной для всех троих.

Приятели сидели в каморке два на четыре, убогое убранство которой сводилось к столу, красно-золотому стулу (добытому явно из игрового зала по соседству) и серому, сурового вида, сейфу, на который взгромоздился Филин за неимением других сидячих мест. Соломенно-волосый голубоглазый парень, будто сошедший со славянофильской иллюстрации (при первой встрече вызывающий лишь один вопрос: почему родители не назвали его Ваней или на худой конец, Алешей?), выставил на стол рядом с мерно гудящим служебным ноутбуком зеленую бутылку с фирменным оленем на этикетке и два прозрачных шота.

– А я слышал, ты завязал, – сказал Андрей, кивком указывая на настойку.

– Ну, типа того…– он, не морщась, опрокинул свои сорок и продолжил, – я же в трэш и угар ушел, когда меня из института поперли. Ну, сам помнишь. Но в один прекрасный вечер, – драматическая пауза и еще одна порция желтой жидкости исчезает в недрах товарища, – скорая, язва, в общем, все прелести. Теперь только по праздникам, и только на травах всяких.

– Язва?

– У меня же с детства желудок – больная тема, не береди рану, – с улыбкой ответил Сашка и налил еще по сорок, – лучше скажи: чего ты с Олегом не поделил?

– Лезет, куда не просят, на личности переходить стал. А все потому, что я его конспирологией не интересуюсь.

– В смысле?

– Не знаю, рассказывал он тебе или нет про эту теорию свою с Той Стороной, но мне он о ней все уши прожужжал. А тут еще проводника кого-то в баре наверху увидел.

– Посредника? – в спокойных глазах Филина что-то промелькнуло, но через секунду скрылось за голубой радужкой безмятежности, – в наших пенатах?

– Не говори, что ты тоже веришь в эту дичь!

– Папа не верит, пока не проверит, – ухмыльнулся Филин.

– И все-таки ты не можешь не согласиться, что это довольно заманчивая теория.

– Как и положено любой мистической чепухе о тайных обществах. Ну сам посуди: даже если допустить существование некой группы людей, обладающих монополией на тайны мироздания, смешно думать, что они будут рекрутировать кого попало, да еще и в местах типа этого. Бар, ночной клуб, казино? Уж скорее они протянут тебе паленую марку, как билет на Ту Сторону. Даже у масонов есть как минимум имущественный ценз, а их история – это тебе не байка из интернета.

– Ну верит человек в ерунду всякую, не морду же ему бить за это, в самом деле? А может, и не ерунду вовсе.

– Я же своими фантазиями не поливаю всех вокруг двадцать четыре на семь. Он даже тебя заразить успел.

– Так ты из-за этого на него взъелся?

– Не то чтобы… – свежие воспоминания о перебранке на крыше содрали коросту с обиды в душе Андрея, заставив повысить голос, – просто знаешь, сам позвал оттянуться, а весь вечер только и делает, что докапывается. Работа ему моя не нравится, видите ли. Будто я только о том и думал, когда на психфак поступал, чтобы на заводе с работягами тренинги устраивать да собеседования проводить. Тоже мне, предел мечтаний. Не все себе могут позволить хикковать месяцами за чужой счет.

– Тебе не кажется, что ты слишком близко к сердцу принимаешь чужую зависть?

– Думаешь, в этом все дело? Это бы многое объяснило, – Андрей призадумался, допил свою порцию, лишь слегка скривившись, – но больше похоже было, что он на меня за что-то обижен.

– Собственно, на что ему обижаться? Ты же ничего не сделал, – тон его был эталоном спокойствия и миролюбия, но ясный и пристальный взгляд заставил Андрея задуматься.

«В том-то и дело, что ничего не сделал. Наверняка вся суть Олеговых претензий в том, что я не могу и не хочу принимать участия в этих безблагодатных поисках «истины». Пускай полгода назад я, не раздумывая, составил бы ему компанию в этом расследовании, но время прошло, приоритеты сдвинулись, сколько можно топтаться на месте? Глупо рассчитывать на что-то другое. К тому же, я еще и на посиделки наши задвинул…»

Он уже собирался изложить Филину свои оправдания, но вслух сказал другое.

– Наверное, я тоже погорячился.

– С кем не бывает, – Сашка ободряюще улыбнулся и потянулся к бутылке, – расскажи лучше про ту девчонку с собеседования.

Тут только до Андрея дошло, сколько времени прошло с их предыдущей встречи. Впрочем, под гул ноутбука и сладковатую настойку наверстывать упущенное было вдвойне приятно. Он во всех подробностях стал рассказывать о том, как дважды рекомендовал начальству Ритину кандидатуру, и под какими невразумительными предлогами они отвергали ее. Как он долго ломал над этим голову и как узнал от пожилой бухгалтерши, что сама девушка здесь не причем, а нежелание брать ее на работу оказалось следствием подковерных игр, приведших Сергея Ивановича в директорское кресло, занимаемое некогда Ритиным дядей. С не меньшим наслаждением он пустился описывать подробности собственных служебных интриг.

– Так что, если бы двое инженеров не свалили в этом месяце на давно заслуженную пенсию – не без моей, разумеется, помощи… Не работать бы мне с ней под одной крышей, – закончил он.

– Так тебе все-таки удалось их убедить?

Андрей удовлетворенно кивнул.

– И растроганная барышня в порыве благодарной любви бросилась на шею своему благодетелю!

– Увы, нет. Мы, конечно, общаемся, можно сказать, что даже дружим, но это все.

– Она же вроде приглянулась тебе, или у нее кто-то есть?

Андрей не знал этого наверняка и всегда старательно отгонял от себя подобные мысли.

– У тебя тут курить можно?

– По всему подвалу датчики дыма на прошлой неделе поставили, так что только на улице, – с этими словами он протянул Андрею пальто, – подожди меня у входа. Мне надо зал проверить перед тем, как ключи отдать.

Филин скрылся в подземных недрах за внушительной дверью на магнитном замке. Уже на верхних ступенях подвальной лестницы Андрея настиг телефонный звонок. Это был Олег, извиняющийся за свою вспыльчивость. Во время того, как он предлагал продолжить гулянку за его счет, пришло сообщение от сестры о пропущенном вызове. Андрей подумал, что тоже слегка перегнул палку, и сообщил в трубку, что поднимется вместе с Филином минут через десять. Он отошел в сторону от входа и, прижимаясь разгоряченным и начинающим ныть лбом к холодной глыбе черного стекла, решился перезвонить сестре. Не глядя, провел пальцем по экрану, и под длинные гудки с наслаждением закрыл глаза.

– Зачем тебе телефон, если он всегда недоступен? – высокий напористый голос, прозвеневший в правом ухе, будто за загривок выдернул его из блаженной тьмы под веками. Не дождавшись ответа, Катя продолжила.

– Я звонила напомнить тебе, что ты обещал завтра с Матвеем посидеть…

Гул в голове набирал обороты: завтрашнее пробуждение не сулило приятных перспектив. Но даже при таких исходных данных отказывать сестре было бы не красиво. Пока медленные «за» и «против» проплывали в захмелевшем мозгу Андрея, его взгляд столь же неторопливо блуждал по лицам людей, столпившихся на бетонных ступенях. Знакомые черты вмиг приковали к себе все его внимание: Рита.

– Позвони мне с утра, и спокойной ночи, – он прервал звонок, не дожидаясь ответа.

Нарастающее похмелье мутировало в храброе алкогольное веселье при виде желанного лица.

Он выскочил на улицу, ни на минуту не выпуская ее из поля зрения. Рита была не одна: вместе с ней на розовом от отсветов бетоне стояла с сигаретой, зажатой между тонких белых пальцев, кудрявая рыжеволосая Света. Как оказалось, они вместе с несколькими некурящими подругами пришли потанцевать в клуб. Андрей сходу предложил девушкам присоединиться к своей компании. Сейчас он казался себе как никогда веселым и обаятельным. Чуть погодя его с полным энтузиазмом поддержал вовремя подоспевший, еще более веселый и обаятельный Филин. Девушки, не выдержав напора, обещали подняться наверх после того, как заберут свои вещи из клуба и попрощаются с остальными.

Окрыленный и несколько взбудораженный, Андрей пролетел оба лестничных пролета и, не сбавляя скорости, приземлился на уже насиженное место за угловым столиком. Через минуту в зал вошел Сашка и сел справа от Олега. Пара обоюдоострых шуток и вовремя поданные скоростной Ольгой шипучие коктейли с зеленым верхним слоем разрушили неловкость между приятелями.

– Вот мы сейчас выпили коктейль с абсентом, – заговорил Филин, – между прочим, Хромой его сам готовит. Последний напиток, как говорили алхимики, имеющий связь с инициацией.

– Хромой – это бармен?

Сашка кивнул.

– Тогда я не удивлен, – Олег бросил быстрый взгляд в сторону Андрея, – он же Посредник.

Филин хохотнул в своей манере, в очередной раз подтверждая свое прозвище.

–Тут ты промахнулся. А я уж было поверил, что ты и вправду Посредника вычислил. Ставлю кусок, что это не так.

– Идет.

– А как вы собрались это выяснять? – вмешался Андрей, вынырнувший из мира своих фантазий.

– Я просто спрошу у него.

– Откуда тебе знать, что он ответит правду? – на этот раз спрашивал Олег.

– Даже если Хромой попытается меня обмануть, у него вряд ли получится.

– Ты так в себе уверен?

– Просто я его достаточно хорошо знаю.

– Ты же работаешь тут без году неделю!

– Послушай, я знаю его лет десять, как минимум. Если хочешь, могу рассказать подробнее…

Внезапное появление Риты и ее подруги поставило на паузу дружеский спор. Все перезнакомились между собой, Саша сходил к стойке и заказал еще коктейлей. Рита первой попыталась разрушить неловкое молчание, сковавшее еще пять минут назад чужих друг другу людей.

– Так, о чем вы тут болтали до нашего прихода?

– Филин хотел рассказать историю про того типа за стойкой, – Андрей указал стаканом в сторону бара.

– Мы тоже с удовольствием ее послушаем, если она интересная.

Все за столиком чокнулись и выпили за знакомство. Сашка был удивительным рассказчиком: сочетание артистичного голоса и его манеры повествования утягивали слушателей сквозь пространство и время, погружали в живые образы, создаваемые памятью или воображением.

– Начать, пожалуй, стоит с того, как мы с Хромым познакомились. Это было лето между девятым и десятым классом. Родители укатили в отпуск и оставили меня дома одного на целых три недели – можно сказать, рай для подростка.

Однако Андрей тоже свалил из города на все лето, а Олега еще не перевелся к нам. И чтобы не помереть со скуки, я стал шлялся по разным тусовкам в поисках новых знакомств и приключений. В один чудный вечер занесло меня на афашную вечеринку в «подвал». Я как-то сразу душой к этим ребятам прикипел. Там мы с Хромым и познакомились.

Время тогда было суровое, правая тема набрала в то лето совершенно катастрофический масштаб: группировки лысых агрессивных ребят на электричках колесили по всей стране, в городе стали все чаще нападать на лиц неславянской внешности, а затем и просто на случайных прохожих, не бреющих головы.

Повсеместно стали открываться вербовочные пункты под вывесками военно-патриотических клубов. Выйти в одиночку из дома, будучи в ультрамодных тогда узких джинсах, и вернуться потом невредимым считалось за большую удачу и такое же безрассудство. Поскольку правоохранители даже не глядели в их сторону – то ли из-за страха, то ли из-за финансовой вовлеченности, всякий, кто выступал против парней, способных накормить бордюром за длинную челку, выглядел почти героем.

Одним из таких был Хромой – он входил в печально известную группу под названием «Четвертый цех». До октябрьских событий эти ребята занимались вполне невинными вещами: участвовали в мелких стычках, распространяли листовки, устраивали тематические концерты и тусовались в заброшенном цеху стекольного завода. Мы зависали вместе все лето. Ни начало учебы, и ни возвращение Андрея никак на это не повлияли.

Я даже его притащил на один концерт в этот их цех, но случился «Магелан». Для не местных поясню: был у нас на северном переулке такой павильон, а рядом с ним стояли палатки корейского рынка. Печальные события начались с очень жестокого убийства Стаса Михаленко, совершенного группировкой «Национальная дружина» в первых числах октября. Он вечером провожал домой свою девушку, но уже у подъезда на них наехали молодчики в говнодавах. Они на глазах у несчастного парня избили и изнасиловали его девушку, а затем проделали с ним тоже самое. Видимо, перестарались – он скончался от травм, не

дождавшись скорой. Стас был из «Четвертого цеха», и почти все ребята захотели отомстить.

С этого момента они стали носить травматическое оружие. Напасть на НД-шников было решено во время их рейда на тот самый корейский рынок. Так и произошло. По итогам столкновения, погибло одиннадцать человек. Рынок, а затем и «Магелан» закрыли и вскоре снесли. Органы наконец обратили внимание на разгул бандитизма и, пытаясь оправдать свое бездействие, завели дела на всех живых участников.

Хромому удалось избежать заключения благодаря своим непростым родителям. Однако ему пришлось уехать в столицу, чтобы не привлекать к себе излишнее внимание. Кстати, кличку свою и, собственно, хромоту он заработал именно тогда – арматурой перешибли какой-то нерв в ноге. В город же он вернулся не больше полугода назад. Сюда устроился от нечего делать. Там, в столице, он одно время работал за баром, пока учился в архитектурном.

– Ужас какой! – первой заговорила Света, – я и не знала, что у нас такое творилось. Как-то это мимо меня прошло.

– Вот и славно. Да об этом не писали и не говорили нигде, а интернет, хоть и был, но влияния такого не имел, как сейчас, – Филин повернул свою коротко стриженую голову и, обращаясь к Олегу, заговорил, роясь в карманах.

– У истории, видимо, будет и продолжение, но пускай его сам Хромой рассказывает, – он положил голубую купюру перед ним.

– Серьезно? – Андрей не мог поверить в правдивость догадки своего друга.

– Да, я перекинулся с ним парой слов, когда делал заказ. Он очень удивился и спросил, откуда я узнал, что он Посредник. Но отпираться не стал и позвал нас поболтать о Той Стороне к себе домой после смены, часа через два.

– О чем вы? – заговорила Рита. Выражение любопытства очень шло ее улыбающемуся загорелому лицу.

– Это шифровка? Колитесь!

Меньше всего Андрею хотелось, чтобы Рита думала о нем и его друзьях как о сборище эзотерических психов. В висках снова пульсировала нарастающая боль.

– Есть у кого таблетка или типа того?

– Да, у меня есть, – сказала Рита, открывая серебристый клатч, – отдам за ответ на предыдущий вопрос.

Она протянула Андрею голубую кругляшку. Он стремительно проглотил ее, запив содержимым своего стакана.

– Кто-нибудь еще хочет? У меня на всех хватит, раз уж впереди у нас намечается интересная ночь.

– Смотря что это? – Олег тут же получил пинок под столом от Андрея. Тому еще меньше хотелось, чтобы Рита видела в них сборище торчков. Однако друг проигнорировал его молчаливый протест.

– А вдруг это что-то интересное.

– Да ничего интересного, просто «ешка».

– Тогда давай конечно! Теперь я понимаю, почему Андрей на работе сутками торчит во всех смыслах! А еще на меня гнал.

Внутри что-то предательски ёкнуло, будто из тумана до него дошел смысл произнесенных за столом слов.

– Так это было не обезболивающее?

– В каком-то смысле, – Рита, кажется, тоже не сразу правильно поняла ситуацию, но, улыбнувшись, быстро сориентировалась, – но ты сам молодец. Уточнять ведь надо, прежде чем в рот совать.

В голове Андрея мысли устроили паническую чехарду. Опережала всех боязнь потерять контроль над собой, перед глазами тут же возник образ отца. Он уже не слышал, как его друзья наперебой рассказывали девушкам о мистическом феномене Той Стороны. Он будто вывалился из реальности внутрь себя самого.

Все дело в том, что возможность потерять самоконтроль была одновременно и заветным желанием, и тайным страхом. В угрюмые минуты одиноких размышлений однажды его посетила идея, что отец со своей тягой к власти над всем, что в поле его зрения, ни в какое сравнение не идет с тем демоном, что сам Андрей вырастил из его отпечатка в собственной голове. Он даже помнил, когда это началось.

«С самого детства он боялся отца, боялся не оправдать его ожиданий или просто попасть под горячую руку. За сестрой, с ее несгибаемой волей, ему было не угнаться по всем показателям. Однако уже тогда полуинтуитивно он выбрал другой путь: чтобы выдержать груз чужих ожиданий, нужно было уменьшить их вес. И с тех пор Андрей начал походить на этакого недотепу: безотказного, но не слишком сообразительного. Про таких обычно говорят: звезд с неба не хватает. Как часто он слышал эту фразу в разговорах родителей между собой или с учителями! Для матери он стал тем ребенком, которого и ругать-то, в сущности, не за что. Но и успехами его особо не погордишься. Отец же потерял к нему всяческий интерес, и в отношении его теперь сквозило лишь брезгливое недовольство с редкими вспышками активного раздражения, чуять которые Андрей научился издалека.

Демон уверенной рукой тянул его многие годы, уберегая от падения в пропасть бездарности (и на том спасибо). Но также он не давал возможности вырваться из заколдованного круга посредственности. Соответствовать образу было по-настоящему тяжело, пожалуй, лишь первый год. Со временем это вошло в привычку, а затем переросло в рефлекс. Конечно, демон давал эту спасительную мимикрию не за бесплатно. Он брал свое фоновым чувством вины, нелепыми страхами, а главное – забирал яркость всех позитивных чувств, на сдачу оставляя рассеянность и благоразумную избирательность памяти, позволяющие забыть приступы стыда за свое положение. Репутация делала свое дело, и год от года все меньше усилий приходилось прикладывать для соблюдения статуса кво…».

Волна тепла, пробежавшая по телу, вынесла Андрея из пучины самокопания обратно к улыбающимся лицам друзей, освещенных покачивающейся над столом

лампой Эдисона. Но лишь затем, что бы вновь отключить окружающий мир и погрузить в пучину радостного удовольствия внутри себя самого. За пару часов, показавшихся ему блаженной вечностью, Андрей выныривал несколько раз, превращая реальность в набор образов, наполненных музыкой, внутренним светом и глубоким личным смыслом. Перед восторженными глазами пронеслись мигающие от стробоскопа фигуры людей, погруженных в танцевальный транс, сосредоточенное суровое лицо бармена с густыми бровями и волевым подбородком, черная крыша с алыми отсветами, разлетающиеся на ветру искры от окурка, вдавленного в металл пепельницы, бронзовая кожа и карие глаза Риты, взрыв поцелуя…

Сверкающий калейдоскоп событий, запахов и ощущений остановил свое вращение на испещренном трещинами асфальте недалеко от входа в заведение. Тело словно наполнено гелием, между фалангами среднего и указательного пальцев, обтянутых черной кожей перчаток, дымится сигарета.

– Голова прошла?– прозвучал голос Риты.

– Что? А, да… Это было нечто, – ответил Андрей, будто просыпаясь, – но больше не делай так, особенно без предупреждения.

– Мне повторить, что ты сам попросил? К тому же, ничего плохого ведь не произошло.

– Вроде бы…– он спохватился, вспомнив поцелуй на крыше, – в смысле, нет, конечно. Просто это было несколько неожиданно… А куда все подевались, или мы только вдвоем вышли?

– Эк тебя, сынок… – она рассмеялась, – они уехали к тому бармену на его машине, а наше такси вот-вот приедет. Ты вообще ничего не помнишь?

– Ну, не совсем… – он увидел тень взволнованности, скользнувшую по ее лицу, – все немного смешалось в голове. А так я все помню.

– Хорошо. Это, похоже, наша.

Вслед за ее элегантным пальто он направился к седану корейского производства, видавшему лучшие времена. По-джентльменски распахнул дверь, пропустив даму сердца в салон, пахнущий жевательной резинкой и давно нестиранными носками.

– Грачева, сорок два, – прозвучал бархатный голос Риты.

– А ты, оказывается, так далеко от работы живешь.

– Причем тут я, мы же к ребятам едем…

В сумраке сентябрьской ночи, среди разнокалиберных типовых строений, утекала вдаль рыжая река фонарных столбов. Глухая пустота тротуаров спального района вызывала тревогу в сердце Андрея, но лекарство от смутных предчувствий и прочих душевных терзаний сидело на дерматиновой обивке сидений по левую руку от него. Угрюмый одутловатый водитель свернул во двор и остановился у подъезда, где их дожидались друзья, столпившиеся возле веселенько раскрашенной скамейки.

Гостиная впечатляла не столько своим размером (по местным меркам, более чем внушительным), сколько аскетичным убранством. В центре серой комнаты на паркетном полу стоял низкий, но удивительно широкий стол красного дерева. По обеим сторонам от балконной двери вдоль стен тянулись книжные полки. Единственным источником света, помимо невнятной подсветки двухуровневого потолка, служила лампа а-ля «дедушкина керосинка», принесенная хозяином из другой комнаты и размещенная посередине полированной столешницы. Обилие пустого пространства, вызывающее эхо и таинственный полумрак, произвели на взбудораженную компанию успокоительный эффект. Друзья расселись на полу вокруг стола по приглашению Хромого. Сам же он остался стоять, опершись спиной о подоконник.

– Прежде чем мы начнем, мне придется прочитать небольшую лекцию, – Хромой говорил тихим и высоким голосом.

– Как я понял, все вы более-менее наслышаны о Той Стороне. Я действительно являюсь Посредником, способным провести вас на изнанку мира и помочь увидеть истинную природу вещей. Но должен вас предупредить: ступив на этот

путь, обратной дороги будет уже не найти. Реальный мир не только удивительное, но и опасное место. Снимая обывательские очки, вы рискуете не только душевным равновесием, но и рассудком, а в далекой перспективе, возможно, и жизнью.

Он сделал паузу и скользнул по их лицам холодным ясным взглядом.

– Я дам вам время на размышление, поскольку мне оно потребуется для подготовки всего необходимого. Минут десять, не больше. Проведите его с пользой: пусть каждый решит для себя, чего он действительно хочет. Если захотите уйти, дверь открыта, а прощаться не обязательно.

После этих слов Хромой покинул серую комнату, оставив за собой висящее в воздухе напряженное молчание.

– Меня одну этот парень до чертиков пугает? – полушепотом спросила Света.

– Можешь уходить, если струсила, – ответил Олег таким же приглушенным голосом.

– Ничего я не струсила. Вы что, действительно решили остаться с этим психом? – последнее слово она произнесла одними губами.

– Я точно остаюсь. Слишком долго я искал путь на Ту Сторону, чтобы просто так отказываться от этого.

– Я, пожалуй, тоже останусь, – начал Филин, – если он на самом деле Посредник, то это редкий шанс. Грех им не воспользоваться. Да и Хромого я давно знаю, он точно не псих.

Андрея происходящее тоже настораживало. Рисковать рассудком и жизнью не хотелось от слова совсем. Однако прослыть трусом в глазах друзей и, конечно, Риты, не хотелось еще больше. Вот если бы она решила уйти, то он непременно вызвался бы ее героически сопроводить, не уронив при этом своего достоинства.

– Да вы взгляд его маньячный видели? – Света не унималась, – Рита, ты-то хоть со мной?

– Знаешь, взгляд и вправду странноватый, но вполне в пределах… – тихим голосом Рита разламывала надежды Андрея. – Мне почему-то кажется, что это будет интересное приключение. Не узнаешь, пока не попробуешь.

– Если нас изнасилуют и убьют – виновата будешь ты! – Света скрестила руки на груди и продолжила чуть более громко.

– Фиг с тобой, я тоже остаюсь.

В этот момент все посмотрели в сторону Андрея, поежившегося от внезапного обилия внимания. «Наверное, я сто раз об этом пожалею, но что поделать? Не убегать же отсюда, поджав хвост». Больше всего его раздражала сейчас ехидная усмешка Олега. Выбор был не из простых.

– Да остаюсь я, остаюсь. Не надо на меня так пялится.

Пара одобрительных, но приглушенных междометий и резкая перемена в лице Олега, а затем вновь воцарившаяся напряженная тишина. Через пару минут в дверном проеме возник Хромой, держа в каждой руке по широкому прямоугольному подносу. При помощи гостей он не спеша поставил их на стол – по обеим сторонам изредка мерцающей лампы, и сел напротив Филина, скрестив ноги. На подносе, по правую его руку, стояли пять небольших глиняных пиал и одна большая латунная чаша, наполненная сухими веточками. На втором стояли два пузатых чайника объемом не меньше литра, красный и белый.

– Рад, что все решили остаться. Честно признаться, насчет некоторых из вас у меня были сомнения. Пусть теперь судьба вознаградит вас за смелость.

Тонкие губы его сложились в приветливую улыбку, однако ледяная прозрачность ясных глаз никуда не ушла. Сосредоточено разливая дымящийся напиток из белого чайника, он продолжил

–Теперь о самом обряде. В традиции, к которой я имею честь принадлежать, он именуется Открытием. Суть его сводится к следующему: сперва неофит выпивает напиток из белого сосуда, указывающий направление его жизненного пути. Вы можете уже начинать, как только он увидит знаки, доступные только открытым. Затем он выпивает из красного сосуда, вдыхая можжевеловый дым. Лишь после этого обряд завершается, открывая разуму истинную природу

вещей. Происходит это не мгновенно: кому-то потребуется больше времени, кому-то меньше. Здесь все индивидуально.

Он замолчал, дожидаясь, пока все справятся со своей порцией зелья.

– Я попрошу вас сохранять тишину, пока последний этап формально не будет завершен.

Допив густую сладковатую жидкость с пряным послевкусием, Андрей стал настороженно озираться, с опаской ожидая обещанных знаков. Но окружающий мир по-прежнему оставался без видимых изменений. Медленно текли минуты в атмосфере молчаливой сосредоточенности, как вдруг в полумраке серой комнаты забрезжил серебряный свет. Он исходил от тонкой светящейся ленты, обернутой вокруг шеи Филина. Затем такая же лента обвила левое предплечье Светы. Спустя еще минуту сверкающие линии проступили, повторяя контуры ребер, на теле Олега. Не веря своим глазам, Андрей уставился на собственную грудь, где на грубом полотне его любимой клетчатой рубашки билось, распространяя неземное сияние, серебряное сердце. Завершил череду сюрреалистических преобразований обруч, подобно драгоценной диадеме обхвативший голову Риты прямо по линии волос.

– Прекрасно, теперь можно приступить ко второму этапу, – голос Хромого звучал по-прежнему тихо, однако теперь в нем слышался неподдельный восторг.

Он аккуратно разлил содержимое красного чайника по тем же пиалам, и в тот момент когда Андрей пригубил приятный, слегка отдающий хвоей напиток, запалил содержимое латунной чаши. Дождавшись, пока все закончат пить, хозяин собрал всю посуду обратно на подносы и, уже стоя в дверном проеме, добавил:

– Я скоро вернусь. Если почувствуете сонливость, не пугайтесь – больше пары минут вы все равно не проспите. Так обычно завершается Открытие. Отдыхайте, покурить можно на балконе, а молчание уже хранить не обязательно.

К своему удивлению Андрей обнаружил, что все присутствующие в комнате погрузились в дремоту. Серебряный свет погас, и завораживающие переплетения линий бесследно исчезли. Покурить и вправду хотелось страшно. Он встал, размял затекшие ноги и, отодвинув серую штору, вышел на балкон. С

высоты восьмого этажа очертания спящего города, окутанного бездной осенней ночи, казались наброском неизвестного художника, страдающего депрессией.

«Не закрывай глаза!» – прозвучал в голове смутно знакомый голос. Тело переполняла усталость, каждое движение давалось с трудом. Он прикурил сигарету и, повернувшись лицом к двери, спиной оперся на оконное стекло. Свет в комнате сделался ярче – теперь все происходящее там было видно как на ладони.

«Беги отсюда!»

Сквозь слипающиеся веки он разглядел фигуру Хромого, стоящего около дремлющего Филина. Внезапно хозяин квартиры вскинул руку, сжимающую продолговатый предмет, и обрушил страшный удар на шею спящего. Раздался мерзкий хруст, и на серый паркет хлынула кровь, Хромой наклонился над телом и резко поднялся, держа в руке ворох серебряных нитей. Тело не слушалось Андрея, несмотря на ужас, сковавший его сердце. Глаза закрывались помимо его воли. Последнее, что он увидел перед падением во тьму, была сигарета, поднесенная к губам.

Он падал во тьму, потеряв при этом все представления о времени и пространстве. Казалось, падение будет вечным, непроглядная темнота окружала его. Нет, не просто окружала – складывалось впечатление, что его переваривают, сантиметр за сантиметром поглощая его тело: сперва тонкий слой кожи, затем хитросплетения сосудов и нервов, а напоследок сами кости. Не оставалось от него ничего, кроме агонизирующего сознания, перед которым разворачивались странные картины возможных, но так и не случившихся жизней.

«Я могу тебя спасти, просто назови меня».

Затем хоровод образов стал ярче и стремительнее, как раз когда тьма уже сожрала все его тело. Пыльный солнечный город, летний луг…

«Ты знаешь мое имя, просто произнеси его!».

Плачущая Рита, чье-то мерзкое марионеточное лицо. Он чувствовал, что образы вот-вот подойдут к концу, еще чуть-чуть, и он раствориться вместе с последним

из них. Собрав последние силы, со слезами на том месте, где еще минуту назад были глаза, он выкрикнул. «Клотт, тебя зовут, Клотт!»

Привычный перезвон будильника, мятое зеленое постельное белье, сопящая копна каштановых волос на соседней подушке, знакомый аромат духов…

«Пора вставать».

Глава 2. Пробуждение

Около получаса он лежал в кровати, мертвенным взглядом упершись в матовою пленку потолка. Странные и пугающие события вчерашнего вечера сплелись в тревожный клубок, в центре которой зияла бездна. Лишь страх потерять рассудок удерживал от опрометчивых взглядов в ее глубины.

В голове, словно сквозь белый шум, проносились обрывки мыслей: «Как я сюда попал? Как здесь оказалась Рита? Что стало с остальными? Чье имя вертится на языке? Что, черт побери, все таки вчера произошло?».

Последний вопрос больше прочих мучил Андрея.

«Проснись!»

Фраза прозвучала внутри его собственной черепной коробки, однако принадлежала она явно кому-то другому. Сбросив с себя оцепенение, он выбрался из кровати, стараясь не наделать шума. Со спинки стула, приставленного к компьютерному столу, он осторожным движением снял вчерашние джинсы. Натягивал их уже в коридоре, попутно нащупав в кармане телефон. Свернул налево, на кухню, минуя дверь в ванную, оставив на задворках сознания мысли об утренних гигиенических процедурах, рваными движением он разблокировал экран.

– Надо звонить, но кому?

Услужливая память тут же высветила вчерашнюю сцену убийства Филина. Сердце панически заколотилось о ребра, отдавая пульсирующим эхом в висках. Андрей открыл журнал вызовов. Первым в списке был незнакомый номер, затем служба такси, сестра, и наконец Олег. Вот и весь вчерашний вечер. Набрал Олега, зловещие длинные гудки. «Какого дьявола!»

Паника нарастала. Выкурив подряд две сигареты, Андрей все же решился и набрал номер Филина. Два невыносимо долгих гудка, сонный недовольный голос в трубке.

– Ты на часы смотрел?

– Саня! —Андрей выдохнул с облегчением. Самые страшные догадки не подтвердились, но путаница в голове только усилилась.

– Слушай, это очень важно. Мне надо знать, что вчера произошло.

– Пить меньше надо! – проворчал в ответ Филин, однако интонации в голосе друга его насторожили, и он сжалился.

– Повиси минутку, я из комнаты выйду и расскажу.

Пока в трубке раздавалось невнятное шуршание, Андрей подошел к псевдо-каменной раковине, по пути захватив пузатый электрический чайник. Держа его одной рукой, он локтем открыл кран, высвободив пенящийся ледяной поток, наполнил стеклянную колбу примерно наполовину. Синими огоньками подсветки водруженный на подставку чайник выхватил из утреннего сумрака липкое пятно на краю столешницы.

«Надо бы прибраться, а то скоро хозяйка за деньгами придет, а тут бардак такой» – успел подумать Андрей, прежде чем услышал голос в трубке.

– Тут еще?

– Ага, – ответил он, зачем-то кивая.

– Ты с какого момента не помнишь?

– Как мы у Хромого сидели, уже смутно помню, – своими переживаниями, а может, и галлюцинациями, делится почему-то не хотелось.

– Где-где? – В голосе Сашки помимо удивления проступило беспокойство.

– Не мешай больше «ешки» с алкоголем, да и вообще. Завязывай, не твое это, видать.

– Стооооп… Так мы к нему не ездили?

– В столицу-то? Я его уже тыщу лет не видел, ты как о нем вообще вспомнил?

Шею и спину Андрея сковал страх, руки сделались холодными и влажными. Ему представилось, будто он сейчас спит и вот-вот проснется, сидя на черной обивке за столиком в «Грехе», выходя из галлюцинаторной комы. Образ был настолько силен, что реальность будто раздвоилась перед ним: в одной он сидел, спиной прислонившись к холодной батарее, на полу собственной кухни, в другой – склонившиеся над полу-лежащим телом обеспокоенные лица друзей, освещенные словно коллективным нимбом висящей над головами лампой, и голоса, плывущие из далека.

Андрей… Андрей…

– Андрей, мать твою, куда пропал? – Филин недовольно шумел в трубке. —Ты здесь еще?

– Здесь я, здесь, не кипишуй, – наваждение рассеялось, оставив в напоминание о себе лишь дрожь во всем теле.

– У тебя что-то случилось?

– Все нормально, просто связь барахлит. Рассказывай лучше с того момента, как встретились.

– Ну, если вкратце, то мы с тобой столкнулись на лестнице, посидели у меня немного. Потом девчонок повстречали, на верху с ними выпили, ты решил

колесами закинуться. Потом в клуб сходили. Под конец Олега совсем поплыл, и мы все разъехались – ты с Ритой на одной машине, мы втроем на другой. По пути этого до дома докинули и ко мне поехали.

– Дааа… – ради сохранения хрупкого душевного равновесия Андрей решил засунуть другую версию событий в дальний чулан своей памяти и мысленно заколотил за ней дверь. – Вот и пришли ко мне зловещие провалы в памяти, а ведь старцы меня предупреждали!

– Это только начало. Мне говорили, что настоящее похмелье только после тридцати наступает, – голос Филина зазвучал глухо, но различимо. Он явно прикрыл микрофон рукой. – Прости, что разбудил, я сейчас подойду.

– Постой, так ты со Светой, получается…

– Получается, да, – его снова было хорошо слышно, – давай позже созвонимся.

– Бывай.

Головная боль усилилась, страхи ушли на второй план, стыдливо прячась в тени возрастающего похмелья. Мысли тут же потекли знакомой рекой по руслу самокопания и скверных воспоминаний.

« …Он сломался в десятом классе, решив оборвать тоскливость своих будней, наглотавшись рецептурных миорелаксантов и переборщив с дозой раз этак в пять. Вернуться к жестокой реальности все-таки пришлось, однако не на смятом покрывале в своей комнате, а на ветхом постельном белье с руками, привязанными к койке. Мир стал грубее, но четче, мыльная пелена будто рассеялась, и Андрей с парадоксальной радостью воспринял перемены. Его довольно быстро выписали, назначив какие-то лекарства; даже не поставили на учет — наверняка не обошлось без связей отца. Он стал пристально следить за сыном, но придраться было не к чему: после инцидента Андрей, что называется, взялся за ум и полностью ушел в учебу, угомонив раздирающие его противоречия. Демон затих, и Андрей решил выбраться из внешней тюрьмы отцовского влияния, обретя автономность. Ему удалось — поступил на бюджет, да еще и на психолога. Естественно, в пику отцу…»

«Не засыпай!»

Он взглянул на время: половина седьмого. «Как это Сашка меня матом не покрыл, удивительно. Пойду-ка я еще поваляюсь, надо таблетку только от головы выпить».

Укрытый тяжелым зеленым одеялом, он обнимал ту, которую так давно хотел обнять. Андрей чувствовал, как головная боль начала сдавать позиции. Ему было все равно, что стало тому причиной: тепло ли столь желанного тела, или эффект обезболивающего – он просто проваливался в темноту, все ниже и ниже.

Пока вдруг не оказался очень глубоко под землей, в каком-то огромном бункере. Лампы дневного света освещали длинный серый коридор с вереницей тяжелых гермодверей. Он знал, что за каждой дверью скрывается тайна, но все они были надежно заперты. Кроме одной. Он шагнул за порог комнаты № 423 в непроглядную тьму и услышал голос.

– Здравствуй, – он казался знакомым, но настоящий обладатель его ускользал из памяти.

Тьма слегка расступилась, вырисовывая контуры человека в желтом балахоне. Лицо его было надежно скрыто массивным капюшоном. Он стоял в круге из свечей, но плотная бесформенная ткань не давала определить даже его телосложение.

– Это ты говорил со мной в тот вечер? Кто ты такой?

– Меня зовут Клотт, остальное объяснить будет довольно сложно.

– Что тогда на самом деле произошло?

– Ты умеешь задавать непростые вопросы. Можно сказать, что мир раздвоился, и страшные события так и не произошли. Однако их инициатор едва ли откажется от своих целей. Так что опасность все еще висит над каждым из вас.

– Ты пытаешься меня напугать?

– Только предупредить.

– Тогда покажи лицо, я хочу знать, с кем говорю.

– Я не могу: мой облик еще не существует. Отчасти поэтому я и решил поговорить с тобой. Ты дал мне имя в ту ночь, но работа далека от завершения. Я прошу создать мой образ.

– С какой стати я должен этим заниматься?

– Потому что, боюсь, только я способен помочь тебе избавиться от нависшей угрозы. Тот человек, которого называют Хромым, не остановится просто так. В глубине души ты знаешь, что я говорю правду. Я прошу лишь выдумать меня, как дети выдумывают воображаемых друзей, только и всего. Ты уже дал мне имя, а значит, и право на существование. Если ты не создашь меня осознано, за тебя это сделает подсознание. Только результат его работы непредсказуем.

– Прости, парень, но ты меня не убедил. Я уж лучше к врачу схожу и таблетки принимать стану, чем начну выдумывать себе воображаемых друзей.

– Я не просто плод твоей фантазии, не дурной сон! Прислушайся, или потом будет уже поздно…

Темнота закружилась перед Андреем, он почувствовал, как летит вверх сквозь толщу земли, минуя бетонные перекрытия гигантского бункера, и прорывается навстречу свету.

– Доброе утро. Скажи, где ты кофе прячешь, а то я, знаешь ли, не привыкла по чужим кухням шариться, – на краю скрипучей кровати сидела Рита. Она была одета в его вчерашнюю футболку, доходившую ей лишь до верхней трети бедра, открывая сонному еще взгляду столь соблазнительные загорелые ноги. Ласковые карие глаза вопросительно глядели на него.

– Ты ведь не против, что я твою надела? Просто ничего не взяла с собой. Не думала, что не дома сегодня проснусь, – при этих словах она смущенно улыбнулась.

– Конечно, не против. А кофе в левом верхнем ящике на кухне. Правда, у меня только растворимый.

– Хорошо, я нам обоим сделаю. Тебе тут звонили, кстати, пока я умывалась, – она протянула ему телефон. Перед тем как уйти на кухню, Рита наклонилась и поцеловала его. Этот поцелуй странным образом вызвал в памяти смутные и волнительные переживания прошлой ночи. Он вспомнил ее жаркие бронзовые объятья, свою робость и попытки ее не показывать, уверенность ее горячих и точных движений…

«Да не засыпай же ты!»

На экране высветился пропущенный от сестры. «Черт, совсем забыл». Андрей тут же нажал на вызов и, прижимая трубку плечом к правому уху, приступил к поискам одежды в недрах стоящего в углу пожилого шкафа. Выбор пал на относительно приличные коричневые шорты и новую синюю футболку без опознавательных знаков.

– Уже проснулся?

– Прости, телефон на кухне лежал…

– Да мне, в принципе, все равно, можешь не оправдываться. Главное, что ты дома. Мы уже подъезжаем, минут через пять будем.

– Мы?

– Я и Матвей, ты ведь не забыл, надеюсь?

– Нет, конечно, жду.

Андрей сидел на невысоком трехногом табурете за кухонным столом и, как зачарованный, наблюдал за пластичными движениями Риты, разливающей кипяток по икеевским чашкам.

– Сливки в холодильнике рядом с вискарем, если нужно.

– Не откажусь, тебе тоже?

Он молча кивнул, затем сделав первый обжигающий глоток и заговорил.

– Сейчас сестра звонила, она заедет, племянника привезет. Я обещал посидеть с ним до вечера.

– Мне, наверное, лучше уйти?

– Нет, что ты? Думаю, вы поладите. Я это просто к тому, что часов до семи нам вряд ли удастся вдвоем побыть.

– Пустяки. А племяннику сколько лет?

– Десять почти, он славный парень.

Раздражающие трели дверного звонка визгливо наполнили квартиру. Рита забежала в спальню.

– Надо хоть одеться поприличнее.

Андрей направился к входной двери, предварительно засунув пепельницу в выдвижной ящик гарнитура.

– У тебя гости? – спросила Катя, едва скинув с плеч черное пальто, пропитанное мглистой осенней сыростью. При всей своей миловидности эта невысокая молодая блондинка всегда сохраняла выражение лица, свойственное скорее наемному убийце, чем матери-одиночке.

– Да, Рита моя… подруга, – он повернулся к Матвею, – иди пока в комнату, включай приставку, я кое-что новое прикупил на днях. Ты оценишь.

Заинтригованно шмыгая носом, белобрысый мальчуган с топотом скрылся в дверном проеме.

– Будешь кофе?

– За мной машина только в одиннадцать подъедет, так что минут пятнадцать есть.

Они прошли в кухню, и пока Андрей возился с чайной посудой, сестра скользила по нему ненавязчивым сканером серых глаз.

– У тебя все хорошо? А то выглядишь, мягко говоря, не очень.

– Да, все в порядке, – он решил умолчать о странных событиях накануне, – перебрал видимо вчера.

– Не налегай так, сам понимаешь – генетика. А как с дипломом дела?

– Тему выбрал – профессиональная деформация и ее влияние на синдром эмоционального выгорания. Сейчас вот анкеты сортирую с ответами. Только у меня складывается впечатление, будто эти мерзавцы друг у друга списывали.

– Ну, знаешь ведь, как это бывает. К таким штукам на работе мало кто серьезно относится, тут еще и мышление типа: а вдруг не так отвечу и премии лишат?

– Скажешь тоже. Впрочем, я нашел выход из ситуации – буду личные встречи проводить и уже сам по итогу опросники заполнять.

– Только не удивляйся, если результат не слишком-то поменяется. Коллектив без слухов и сплетен – это сказки для соискателей.

– Это ты мне как профессионал говоришь?

Катя молча допивала кофе, но, несмотря на молчание и кружку, скрывающую больше половины лица, даже аккуратные брови ее говорили: моим словам можешь верить.

– А у тебя что нового?

Девушка уже собиралась ответить, но телефонный звонок не дал Андрею получить последние новости из мира промышленного шпионажа. Уже стоя в прихожей и завязывая узлом шелковый шарф, она посетовала, что не успела

познакомиться с его подругой, и дала наставления по поводу Матвея.

Рита, выйдя из спальни спустя минуту после ухода сестры, не сильно расстроилась, узнав, что знакомство с семьей Андрея переносится на неопределенный срок. Зато она мастерски избавилась от неловкости в общении с незнакомым ребенком, схлестнувшись с Матвеем в бесконечной череде виртуальных поединков. Да так лихо, что Андрею пришлось отдирать от экрана этих кибер-дуэлянтов около часа. Позже она с полным энтузиазмом поддержала ритуальную развлекательную программу, включающую посещение кинотеатра и развлекательного комплекса на самом верху айсберга из стекла и бетона, кем-то по недомыслию названного торговым центром.

По завершению дня, крайне увлекательного для десятилетнего торнадо и его неутомимой погонщицы, возвращаемый в лоно семьи мальчик сокрушался, что у него самого нет девушки, которая с удовольствием разделит с ним все веселье, и от души завидовал Андрею. Рита пообещала, что постарается найти ему подходящую подружку, когда он немного подрастет, а пока сама с удовольствием составит ему компанию, скажем, на следующих выходных. Ее знакомство с Катей вновь отложилось, поскольку Андрею позвонил Филин.

– Ничего не хочу знать о твоих планах на вечер, но Света горит желанием устроить у меня дома вечеринку на наши четыре рыла. Так что пожрите что-нибудь – дома у меня хоть шаром покати, и пулей к нам. Да и мне с тобой поболтать есть о чем.

С таким напором ребятам было не совладать, а потому они стали решать, где бы им поужинать.

Выбор пал на «Трюфель»: симпатичное во всех отношениях кафе неподалеку от берлоги Филина. Сидя под ажурным светильником в окружении картин, стимулирующих слюноотделение, Андрей с аппетитом поглощал второй по счету кусок вишневого пирога, заливая его чертовски хорошим капучино. С еще большим аппетитом он проглатывал забавные истории и просто хаотичные факты из биографии Риты, под вечер разговорившейся не на шутку. Но прервать сладкоголосый поток сознания все же пришлось, поскольку организм его не в состоянии был сдерживать выпитый уже почти литр прекрасной на вкус жидкости. Справив нужду, он встал у зеркала, обрамленного кованой, и пристально вгляделся в отражение, подставив руки под горячую, отдающую хлоркой воду. Амальгамный двойник смотрел на него красными глазами:

уставший, все еще немного похмельный, но счастливый до чертиков.

В голове состоялся диалог с самим собой.

– Ты же понимаешь, что счастье не бывает вечным?

– Отстань.

– Это просто поток нейромедиаторов и гормонов, свойственный влюбленному человеку. Даже не заметишь, как быстро это пройдет.

– Я сказал: отстань!

– От меня-то ты отмахнешься, а от того парня из сновидения?

– Я не хочу сейчас об этом думать.

– А о странностях прошлой ночи тоже? Ведь ты же загривком чуешь, что тот тип в капюшоне не просто так тебя запугивал…

Бежевая дверь туалетной комнаты отворилась, и на пороге возник грузный мужчина с выражением смертельной усталости на усатом лице. Андрей поспешно ретировался, оборвав душевные метания.

В «Трюфеле» они просидели чуть больше часа. Он расплатился, приятно удивленный «танцам со счетом» в исполнении Риты. Так любил выражаться Филин, описывая ситуацию, в которой оба участника свидания пытаются взять на себя финансовое бремя, бесконечно повторяя: «Я оплачу», «Нет уж, позволь, я!».

Их длинные косые тени, скользящие рука об руку, вылизывали щербатую кромку бордюра, присыпанную пыльной пожухлой листвой. Сама погода, стервозная обыкновенно в это время года, благословила их на пешую прогулку длинной в четыре квартала теплым по осенним меркам безветрием. Заглянув по пути в алкомаркет, Андрей галантно предоставил выбор сегодняшнего социального камертона даме сердца. Рита со словами: «Мы же надираться в хлам не собираемся?» в два легких движения сняла с верхней полки в винном отделе

пару бутылок крепленого португальского. Бархатный вечер черным колпаком накрывал почти идентичные дворы, слепленные из серых панелек, стоящих на отвоеванной еще в семидесятых у леса территории.

Логово Филина представляло из себя памятник ранней постсоветской эпохи, а именно тому периоду, когда в обиход вошло слово «евроремонт». Все – от мебели и до посуды, принадлежало когда-то либо покойному деду Сашки, либо прежним квартиросъемщикам. Заделавшись полноправным хозяином, Филин оставил все как было не из ностальгических сентиментальных чувств, а просто потому что вещам он не привык придавать никакого значения, кроме функционального.

Бесконечные шутки, крепкое португальское и в меру пошлые застольные игры усыпили окончательно тревожного спорщика в душе Андрея. Ему даже начало казаться, будто он сам растворяется в этих увеселительных субстанциях. Тем труднее ему далось возвращение к действительности, когда Филин внезапно заметил, что сигареты у всей компании подходят к концу. Мысль, о том чтобы выдрать себя из объятий тягучего, теплого и многообещающего вечера и доверить свой изнеженный алкоголем и женским вниманием организм холодной сентябрьской ночи – даже на десяток минут, казалось кощунством. Но делать нечего, и двое хмельных джентльменов отправились в ларёк. Однако ночь, одетая в колдовской туман, с вереницей фонарных столбов в роли путеводных огней, оказалась неожиданным подарком им обоим.

– Мне вдруг вспомнилась, – заговорил Сашка, шагая в ласковой серой мгле, – моя с недавних пор любимая книжка – сборник ирландских сказок. Там, в числе прочих историй, была легенда о мальчике, попавшем в мир эльфов.

– Чего это ты вдруг?

– Согласно поверьям, именно туман размывает границу между нашим миром и волшебной страной вечного лета. И при большой удаче – хотя это как посмотреть, ведь далеко не всегда эти сказки кончались хэппи-эндом… В общем, при такой погоде можно отыскать дверь в иной мир.

– А чем тебе наш мир не угодил?

– Не пойми меня неправильно, но порой мне кажется, что он какой-то… Не настоящий, что ли. Я попробую объяснить. Что-то с ним явно не так, я чувствую, что мы не воспринимаем его полностью, слишком многое упускаем. И то, что мы упускаем, и есть настоящий мир.

– Уж не Олеговы бредни на тебя так повлияли?

– Ты про его попытки найти Посредника? Это очень соблазнительно. Только мне кажется, что это всего лишь один из способов попасть на Ту Сторону.

– И ты туда же! Что вам на этой-то стороне не сидится? Здесь совсем неплохо: есть друзья, девушки, выпивка. Да много чего есть.

– Не в этом дело. Просто все чаще стало казаться, что за пеленой нашей куцей и скучной реальности скрыто нечто большее.

– А вот это уже похоже на симптом. У меня есть знакомый врач, сам к нему когда-то ходил, специалист по неврозам…

– Психолог! Я тебе про иллюзорность бытия, а ты… – он немного помолчал, – забавно даже. Каждый, видимо, и вправду думает в меру своей испорченности. Я, когда примерно об этом со своим начальником говорил… Мировой мужик, кстати: как-то после смены у него в баре вдвоем зависли. Так вот, он сказал: мытарства эти от отсутствия покаяния. Дескать, кесарю кесарево, а Богу Божие. Если нет мира в душе, извне его получить не выйдет без покаяния.

– Кто бы мог подумать, что хозяин ночного клуба и казино окажется таким верующим. Несколько лицемерно, тебе не кажется?

– Не совсем, там длинная история.

Он замолчал, дожидаясь, пока Андрей втолкует свою просьбу сонной продавщице, застигнутой врасплох их настойчивым стуком по завешенному рекламой окошку. Отойдя от ларька, выхваченного светом ближайшего фонаря из беспроглядного мрака, друзья притормозили у крытой площадки с мусорными баками, дабы выбросить обертку от вскрытых только что пачек. Прикуривая, Филин первым нарушил тишину.

– Я, собственно, не к этому вел. Ты ничего странного после вчерашней ночи не замечал?

Туман, как живой, обступил приятелей со всех сторон, будто вслушиваясь в их беседу.

– Пообещай никому не говорить то, о чем я сейчас расскажу.

Дождавшись утвердительного ответа от удивленного Сашки, он вкратце изложил свою версию вчерашних событий. Пару минут после этого приятели молча прорезали своими фигурами леденящую взвесь.

– Значит, мы прошли ритуал Открытия? – синие глаза Сашки чуть ли не фосфоресцировали от переполнявших его эмоций.

– А еще нас всех поубивали. Тебя, между прочим, первого.

Видя, что напоминание о смерти не остудило нездоровый, как казалось Андрею, пыл приятеля, он решил зайти с другого конца.

– Если мы вообще принимаем за правду мои галлюцинации, вызванные странными таблетками и алкоголем.

– Когда с нами случаются по-настоящему важные вещи, отрицание – это первая реакция. Уж ты-то, как психолог, должен и без меня это знать.

– Все несколько сложнее, чем тебе кажется…

– Да забей… Главное, что теперь я точно знаю, что мне следует делать.

– Это пугающе звучит.

– Прости, но пока я не могу сказать тебе больше. Но если все пойдет, как надо, ты мне еще спасибо скажешь.

Андрей не хотел оставлять разговор на такой тревожной ноте, но они стояли уже на пороге, за которым их ждали девушки и слегка начатая вторая бутылка красного. Ночь плавно перетекла в прежнее уютное русло, а свою нарастающую тревогу ему вновь удалось усыпить крепленым вином. Разговор не состоялся и на следующее утро, когда помятые гости стали разъезжаться по домам. Проводив Риту, Андрей убил все воскресенье на то, чтобы привести себя в порядок после насыщенных выходных.

Рабочая неделя проходила в бесконечных личных встречах с заводчанами и последующим заполнением документации. Но, как и предсказывала Катя, толку из его нового подхода не вышло. Хоть медаль ей вручай: «За житейскую мудрость». Единственным мало-мальски ценным источником информации оказалась Оля – не замолкающая ни на минуту начальница отдела кадров. Но использовать для дипломной работы сплетни и слухи (иногда вполне интригующие) было, увы, невозможно.

Зато неблагодарная деятельность, связанная с учебой, избавляла от необходимости выполнять свои прямые обязанности. Еще в начале месяца Андрей, скорбно склоня голову, пошел к директору с сообщением, что в ближайший месяц ему понадобится больше внимания уделять учебе. Вопреки ожиданиям, Сергей Иванович воспринял эту новость с преувеличенным энтузиазмом. И даже прочитал высокопарную сорокаминутную лекцию о необходимости и значимости высшего образования для руководящих должностей (к каковым Андрей, разумеется, не принадлежал).

Впрочем, номенклатурными страстями рабочая неделя не ограничивалась. Были еще изумительно веселые и познавательные обеды в компании Риты. А внезапно пришедшее в город бабье лето стало восхитительной наградой за муторные будни. Каждый вечер они проводили за пешими прогулками до Андреева жилища – окольными, естественно, путями. Затем ужинали, пользуясь услугами бесчисленных служб по доставке готовой еды, ни на минуту не прекращая бесконечные свои диалоги. И каждый из этих вечеров кончался горячей и не менее познавательной (для Андрея, по крайней мере) ночью. Чем дольше длилось это взаимопроникновение душ и тел, тем больше у влюбленных складывалось ощущение особой связи, духовного родства. Все чаще в сознании Андрея пробегала кощунственная для себя прежнего мысль, что, возможно, он встретил Ту Самую. Он отгонял ее, как назойливую муху, втайне надеясь, что такое положение дел будет вечным.

Ровно в шесть пятнадцать вечера пятницы он, как и четыре дня до этого, вылавливал взглядом знакомый девичий силуэт среди людской реки вытекающей из третьей проходной, когда его настиг звонок. На экране высветилось: Олег.

– Привет, сам хотел набрать, но не успел. Я, наверное, не смогу сегодня, у нас планы на вечер.

– Подождут твои планы, – голос Олега звучал отстраненно и несколько неестественно, – я не знаю, как тебе это сказать…

Молчание в трубке затянулось.

– Ну, говори уже, а то мне идти скоро.

– В общем, Филин умер.

Внутри у Андрея что-то оборвалось. Уличный шум зазвучал, словно после сильного удара по голове. Он слышал гомон толпы вокруг, но не мог понять значения ни одного из пролетающих мимо слов.

– Если это шутка, то она очень глупая.

– Какие уж тут шутки, завтра похороны, в час прощание у морга. Карту я тебе скинул.

– Как это произошло?

– Повесился, подробностей не знаю. Держись там!

Как поток ледяной воды, на него обрушились забытые уже, воспоминания.

«…Это случилось летом, когда он был в лагере. На похороны собственной матери ему не удалось попасть. О произошедшем он узнал только по возвращении в город. В семье было не просто не принято это обсуждать: тема эта была под строгим отцовским запретом. Единственное, что им было сказано: мамы больше нет. Только спустя несколько лет, после собственной попытки суицида, он узнал

от Кати правду. И про мамин диагноз, и про хронический алкоголизм, и про тот вечер, когда ее нашли в окровавленной ванной…»

«Не засыпай!»

Сквозь полупрозрачные занавески поток лунного света падал на скомканное одеяло и мерно вздымающуюся грудь Риты. Андрей сидел поодаль, в кресле, и смотрел на бледный, чуть кривой диск луны, висящий над крышей соседнего дома. Сон покинул его этой ночью. Трижды за последний час он выходил на кухню, чтобы не столько выкурить, сколько подержать в руке дымящуюся сигарету. Вернувшись в последний раз, решил не ложиться совсем.

Бесконечный поток мыслей и образов время от времени сменялся полной опустошенностью. Вот и сейчас он сидел, будто лишенный самой возможности думать и чувствовать, и отрешенно глядел на оконный проем. Мир для него погрузился в безвременье и безмолвие. Таинственная тишина, так не свойственная ночи с пятницы на субботу, не нарушалась ни выкриками подвыпивших гуляк, ни традиционным гулом, характерным для домов, разменявших не один десяток лет.

Он неподвижно сидел, чувствуя, как липкий страх заполняет кровеносные сосуды и подбирается к сердцу. Холодное оцепенение сковало мышцы, и перед глазами, которые он силился закрыть, встала темная пелена. Мрак конденсатом стекал на пол, устланный безвкусным ковром, образуя своего рода темный экран. На нем невидимый мучитель проигрывал раз за разом две кошмарные сцены: обнаженная мать при тусклом желтом освещении, лежа в дымящейся воде, ожесточенными движениями тонким бритвенным лезвием распарывает тонкую кожу предплечий; жуткий оскал Хромого, обрушивающего на беззащитную шею спящего Филина свое изогнутое, неразличимое в темноте оружие. Сумев-таки сбросить с себя пугающий транс, лишь на секунду он поднял взгляд и увидел темный, слабо различимый силуэт, свисающий на тонкой веревке с его собственной люстры. Андрей хотел закричать, но ледяной паралич сковал челюсти. Перед бескрайними от ужаса зрачками силуэт обретал четкость форм. Жуткий призрак, не разгибая искривленной натяжением шеи, бросил на него тлеющий взгляд.

– Жду тебя в гости через пару недель.

Разум его помутился, комната поплыла перед глазами, полностью утонув во тьме.

– Андрей! Просыпайся! Ты всю ночь здесь просидел?

Милый сердцу овал лица, обрамленный каштановыми кудрявыми волнами, чуть вздернутый нос и ласковый, слегка встревоженный взгляд. Он все еще был ошарашен, не понимая, где проходит граница между снами и явью. На какой-то чудесный миг ему даже показалось, будто Филин жив-здоров, и все случившееся вчера было лишь тревожной прелюдией к кошмарным снам. Рита по-своему истолковала его ступор, попутно разрушив приятную иллюзию.

– Затекло наверно все? Надо бы поспешить, а то на похороны опоздаем. Я пойду умоюсь, а ты чайник поставь, пожалуйста.

Завтрак, состоящий из чашки кофе со сливками и пары сигарет, прошел в напряженном молчании. Слова утратили смысл так же, как кофе лишился вкуса. Неторопливые одинокие мысли без начала и конца появлялись и исчезали непроизвольно. Все утро Андрей действовал на автомате, не веря глазам: он не ощущал себя участником событий. Вызвал такси, оделся, вышел, сел в машину. Попросил притормозить у цветочного магазина, купил себе и Рите по букету, даже не запомнив, какие там цветы. Все эти действия проделал будто кто-то другой, временно взявший на себя управление его телом.

– Тут поди вся октябрьская собралась. Филин, конечно, всегда звездой был, но я не думал, что настолько.

Голос принадлежал Олегу. Друзья стояли в стороне от мрачных, местами плачущих людей числом чуть менее сотни, ожидающих выноса тела у порога двухэтажного серо-кирпичного морга. Рита оставила их наедине, чтобы успокоить чересчур разволновавшуюся, по мнению Олега, Свету.

– Ты маму его видел уже?

– Да, но подойти не успел. Ей, видать, совсем тяжко.

– Не хорошо человека одного оставлять.

– Она не одна. К ней сестра приехала, они там, у дверей стоят.

– Может, мы помочь чем-нибудь можем?

– Успокойся, все хлопоты на себя его начальник бывший взял. Он, говорят, тело и обнаружил.

– Как так?

– Не знаю я. Хочешь, сам у него спроси.

– А где он, и как его хоть зовут?

– Вон он стоит. Зовут Ярослав какойтович.

Олег указал рукой в направлении одинокой фигуры в черном пиджаке. Седовласый, коротко стриженый, плотный молодой мужчина стоял у шлагбаума при въезде на территорию морга. В тот момент, когда толпа у ворот расступилась, пропуская четырех коренастых мужчин с испитыми лицами, выносивших гроб, Ярослав бросил под ноги сигарету, придавив черным остроносым ботинком, и стремительно зашагал к носильщикам. Получив указания, те водрузили гроб на стол, устланный фиолетовым бархатом, стоящий слева от входа, около зарешеченных темных стекол. Человеческое озеро полукругом обтекло скорбный остров.

Первой прощаться подошла мама, за двое суток постаревшая на десяток лет. Во многом благодаря ей Андрей выбрал свою профессию, и он всегда привык видеть Ольгу Михайловну деловой и самодостаточной женщиной, не позволяющей улыбке покидать еще недавно моложавого лица. Он отвел глаза от душераздирающего десятиминутного плача над телом единственного сына. Спустя какое-то время Андрей обнаружил себя уже во главе печальной очереди.

На белом шелке, одетый в свой единственный, купленный еще по случаю выпускного костюм, лежал Сашка. Челюсть была чуть скошена, левый глаз остался открытым, но синяя радужка вместе со зрачком скрылась где-то за

верхним веком. Андрей наклонился и поцеловал черно-белую ленту с церковно-славянской вязью, лежащую поперек обескровленного лба, и отошел в сторону.

По завершении прощания состоялась поездка на Нагорное кладбище, открытое в начале года и уже заполненное наполовину. Аккуратный холм стылой земли и деревянный крест с вытравленными на табличке датами: «15.10.1992-20.09.2013» на фоне безрадостного серого неба стоял перед глазами Андрея всю обратную дорогу. Поминки были назначены на шесть часов вечера все в том же «Грехе».

Красный неон вывески был предусмотрительно погашен: клуб сегодня официально закрыт для гостей. Об этом хозяин сообщил во всех социальных сетях, принося обычные по такому случаю извинения. Отсутствие музыки, составленные вместе столики, выдернутые из уютных ниш, и выключенная подсветка барной стойки необъяснимым образом наполняли помещение унылым казенным запахом. На поминки собралось значительно меньше людей, чем на похороны: в основном одноклассники, пара-тройка знакомых с института, несколько потерянного вида мужчин, пришедших явно, чтобы поддержать мать усопшего. Риты среди собравшихся не было: еще после поездки на кладбище она сообщила Андрею, что побудет сегодня со Светой, предварительно взяв с него обещание, что с ним все будет в порядке.

После первой рюмки пшеничной зазвучали первые разговоры, в основном о каких-то малозначимых и забавных событиях из жизни Филина. Однако по мере возрастания градуса все чаще присутствующие стали искать и находить потайной смысл в последних своих разговорах и встречах с покойным. Как это обычно бывает на застольях, стали образовываться почти изолированные группы, обсуждающие свои догадки. Занятое Андреем место находилось на пересечении двух таких групп. В одной шло обсуждение возможной трагической любви, в другой полушепотом говорили о вероятных проблемах с наркотиками. При попытках соседей-ораторов вовлечь его в одну из дискуссий Андрей делал вид, что чрезвычайно увлечен стоящим перед ним «Цезарем». На самом деле его единственным поставщиком калорий за этот вечер была пшеничная водка, расставленная на столах из расчета бутылка на гостя. Все чаще за столом стали мелькать фразы из разряда «наверное, это я виноват, надо было тогда с ним встретиться, поговорить, ведь он звонил мне где-то за неделю…». За ними шли утешения с последующим самообличительством в душевной черствости. «Так быстро без причины не хоронят» – вторая по распространенности фраза,

сказанная полушепотом больше дюжины раз.

Когда изрядно перебравшая четверка одноклассниц решила съездить к бывшей классной руководительнице (той самой, о которой Сашка не говорил без мата со времен старшей школы), дабы сообщить ей скорбную весть, Андрея затошнило. Без верхней одежды, в одной черной шелковой рубашке, он нетвердыми, но быстрыми шагами покинул зал, взбежал по лестнице и выбрался под мрачное небо, подернутое белесой дымкой.

– Извините, закурить не найдется? – обратился он к мужчине, одиноко сидящему на парапете крыши спиной к потухшей вывеске.

– Да, конечно, только я курю крепкие, – вглядевшись сквозь водочную муть в лицо обладателя хриплого баритона, Андрей узнал в нем хозяина заведения и спонсора сегодняшних событий.

– Вы Ярослав, ведь так? Меня зовут Андрей. Филин, то есть Саня, был моим другом.

– Приятно познакомится. Он говорил о вас. Вы ведь психолог?

– Хреновый, видать, из меня психолог, раз такое просмотрел.

– Боюсь, никто из нас не ожидал чего-то подобного.

– Не хочу показаться одним из тех придурков, которые ни черта о нем не знали, но мне кажется, он давно замыслил что-то подобное. Ведь он даже пытался мне рассказать, а я, осел бесчувственный, все прохлопал.

–В том, что случилось нет, вашей вины.

Сорокаградусная диета топила лед бесчувствия в душе Андрея, он начинал сердиться, еще не понимая, на кого именно.

– Нет, есть! И ваша тоже! Он ведь и с вами заговаривал на эти темы. А вы несли какую-то ахинею про покаяние, мол, сходи-ка лучше в церковь, – недокуренная сигарета вылетела из взволнованной руки и покатилась, подгоняемая порывами

ветра, по черному покрытию крыши.

– Вы не понимаете! В последнюю нашу встречу он уже был готов променять право первородства на чечевичную похлебку.

– Что вы несете?

– Он, как и вы, готовился продать душу.

Горизонт предательски качнулся. Лишь при помощи собеседника, вовремя ухватившего его за плечи, Андрею удалось устоять на ногах.

– Наша с вами беседа может подождать. Вам нужно отдохнуть, сегодня был тяжелый день. Если вам интересно, приходите завтра, часа, скажем в два. Мы спокойно все обсудим. А сейчас вам лучше ехать домой. Я вызову вам такси, если назовете адрес.

В помятом алкоголем мозгу сработал нужный механизм, и Андрей заплетающимся языком назвал и дом и улицу. Перед его бессмысленным взором проплыла массивная дверь, лестничный пролет, полупустой гудящий бар, знакомая официантка, протягивающая пальто. Затем ободряющая улыбка Ярослава, помогающего втиснуть непослушное тело на заднее сиденье серебристого «немца».

– Приехали, – не оборачиваясь, буркнул водитель. Андрей пошарил по карманам и протянул ему мятую сотку

– Так по договору же.

Смутившись, он выбрался из такси и, слегка покачиваясь, добрался до входной двери. Зайдя в квартиру, он, не разуваясь, лишь скинул пальто. Вытащив, пачку сигарет из кармана, нетвердой походкой зашагал на кухню. Тусклый свет энергосберегающей лампочки озарил до боли знакомый силуэт, сидящий за кухонным столом. Это был Филин, живой и здоровый. Только глаза ему заменяли стеклянные линзы, будто впаянные в череп, отделяющие мир от клубящегося внутри него тумана.

-Я ведь предупреждал…

Гость заговорил знакомым голосом, вот только Андрей уже не в силах был сохранять сознание.

Глава 3. Наследие

Осеннее солнце, косыми лучами отражаясь от хромированных ножек стола, проникало сквозь закрытые веки Андрея, образуя сосудистую сеть на красном фоне. Возвращаясь к реальности, полулежа на бежевом ламинате, первым делом он ощутил тянущую боль в шее и мерзкий тухлый привкус во рту. Пока Андрей разворачивался, чтобы взять кружку и налить себе воды из стоящего вблизи раковины фильтра, взгляду его предстал ночной призрак. Он сидел поодаль от стола, на выдвинутом еще вчерашним утром Ритой табурете. Андрея качнуло, и он оперся о стену.

– Какие мы нежные, – с ухмылкой заговорил сероглазый, – Да ты расслабься, выпей водички, присядь. Разговор будет, видимо, долгий.

«Приехали. Вот я и тронулся».

– Мне так не кажется. И да, я могу слышать тебя, даже если ты не говоришь вслух. Однако я бы не хотел вести долгий диалог подобным образом, потому как мысли имеют свойство путаться и смешиваться, приводя разговор к сумбуру.

Нечто знакомое в его исключительно приятном тембре голоса гипнотическим образом успокаивало Андрея, будто смиряя его с окружающей действительностью.

– Ты ведь моя галлюцинация, верно? Ты просто не можешь быть Филином.

– В одном ты точно прав: я действительно не Филин. А вот насчет галлюцинации не ручаюсь.Я не могу говорить с уверенностью насчет своей природы и происхождения как минимум потому, что родился я, если можно так выразится,

всего какую-то неделю назад. Ты сам выбрал мне имя, и – так уж получилось, дал мне этот облик.

Мутное воспоминание о странной беседе, приснившейся, как сейчас казалось, в какой-то прошлой далекой жизни, тут же пронеслось перед глазами.

– Но почему именно Сашка?

– Вчера я уже говорил: я ведь я предупреждал. Но ты отрубился раньше, чем я успел договорить. Я так выгляжу, потому что ты отказался осознанно давать мне облик, и за дело взялась та часть тебя, которой плевать на мнение твоего эго. Последнюю пару дней ты настолько был поглощен печальными событиями, что я просто не мог бы выглядеть иначе.

– Кто ты вообще такой, черт побери?

– На этот вопрос мне будет сложно ответить. Но ты же не ищешь легких путей, правда? Здесь я могу лишь предполагать, опираясь скорее на чувства, нежели на факты. В том состоянии, в котором я находился прежде, отсутствовала сама концепция мысли и времени. Насколько я могу судить, я все время был с тобой, пытаясь помочь тебе в трудные минуты жизни, пытаясь обратить на себя внимание. Ты же сознательно игнорировал меня, сводя на нет все мои усилия. Иными словами: «Часть вечной силы я, всегда желавший…». Впрочем, дальше ты сам знаешь.

– Намекаешь на свою инфернальную сущность?

– Просто демонстрирую свою осведомленность в твоих даже не сформированных мыслях, – он помолчал, наслаждаясь смятением, отразившимся на лице Андрея, – или люблю театральный пафос. В общем, забей, у всех свои недостатки. Лучше выпей воды, желательно с каким-нибудь анальгетиком, и присядь. Нам все еще есть, о чем поговорить.

Головная боль пересилила нежелание подчиняться советам странного гостя. Андрей бегло пошарил по ящикам гарнитура; отыскав заветную таблетку, жадно запил ее и приложил холодное стекло стакана к грозящему вот-вот лопнуть лбу. Свободной рукой он поднял поваленный при вечернем падении табурет и сел напротив Клотта, опершись локтями о стол.

– Так о чем мне говорить с галлюцинацией?

– Оставь эти титулы. Можно просто по имени. Например, о том, что за вами ведется охота. Ты же не думаешь, что смерть твоего друга и та тусовка в квартире Хромого

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/maks-ast_/other-side-kogda-tuman-sguschaetsya

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити